

Андрей Дашков

Темные машины

Глава первая

Старик знал, что рано или поздно это случится, так почему бы не сегодня. На то и существуют плохие предчувствия, чтобы однажды спросить себя: ну, теперь убедился, старый дуралей? И вот тогда наступает минута запоздалых проклятий. Беспольных и никчемных — судьба уже выслушала все, что он мог пролепетать, причем много лет назад.

На дороге появились черный внедорожник и желтый автобус с зарешеченными окнами. Комендатура. Не надо и гадать, по чью душу. А голодное тьяканье терьеров недвусмысленно предупреждало, что и прятаться бесполезно. Будет только хуже. Старик воткнул лопату в сухую землю и потащился к дому походкой обреченного. На оставшихся шести зубах скрипел песок; на языке ржавела горечь.

Сын колот дрова на заднем дворе. Отца он встретил недоуменным взглядом и показал колун, который смотрелся в его ручищах небольшим топориком. Кто-то вложил ущербный разум в громоздкое тело (старик догадывался, кто этот

шутник, и потому обычно гнал прочь бродячих проповедников — если, конечно, те не были вооружены; в последнем случае приходилось жертвовать на возрождение захиревшего прихода одной из старых Церквей или оказывать «посильную помощь» последователям новоявленных Мессий. Как ни странно, почти никто из них не выходил в своих требованиях за рамки разумного, а два пожилых, неизлечимо больных приверженца Культа Последней Двери и вовсе вежливо спросили у старика, не желает ли он покончить с собой и с ними за компанию. Оба убрались с миром, когда он отказался. В общем, лучше бы у сына все обстояло наоборот с разумом и телом — для тела уж точно лучше. Может, прожил бы подольше. А так ему на роду написано стать пушечным мясом в очередной войне. И не имеет значения, что последние четыре года старик не слышал о войне. Место, где можно быстро умереть, всегда найдется — надо только отойти подальше. А что не слышал, так неудивительно; до здешнего захолустья вести добирались с трудом, если вообще добирались.

Но комендатура добралась, и это означало, что старику теперь придется работать за двоих. Правда, одним ртом в семье станет меньше. Это была мерзкая мыслишка, но ему не удалось ее избежать. Когда не живешь, а выживаешь, поневоле

постоянно прикидываешь, сколько у тебя еды и сколько едоков. Дерьмо. Кстати, сколько дерьма — прикидываешь тоже. Все-таки удобрение, причем самое лучшее из доступных с тех пор, как химия кончилась после Великого Реверса. Вообще-то, тогда кончилось многое (и многие), а то, что началось, было для старика лишь свидетельством извечного проклятия, все-таки настигшего его поколение. Другим, возможно, повезло больше. В одном он не сомневался: небесный палец ткнул в него наугад. Ни его заслуги, ни его вины в этом не было. И не имели значения его грехи — настоящие или мнимые, — как не имела бы значения его добродетель.

Из дома выглянула жена. Увидела машины, все поняла и завывала. Старик поморщился. От этого будет только хуже. Он ненавидел бабий вой вообще и на похоронах в частности: покойника им не поднимешь, а оставшимся и так тошно. О похоронах он вспомнил не случайно. Зачем обманывать себя — скорее всего, они больше никогда не увидят сына. Надо отдать его... и постараться забыть. Хорошо, что у них с женой еще есть дочка. Вторая жестокая шутка, вернее, вторая часть все той же: острый ум в хилом теле. В хозяйстве почти бесполезна; лишний рот — если не брать в расчет ее советы. О некоторых своих подозрениях он не хотел думать и боялся думать.

Иначе можно было поддаться искушению и воспользоваться выходом, на который он не имел права. Это искушение и без того постоянно маячило на окраине сознания — черная туча, грозящая окончательно погасить тусклый свет рассудка, который еще брезжил в его сознании, будто луч погасшей звезды, чудом добравшийся из сгнувшего прошлого. Для его дочери подобной проблемы, похоже, не существовало. Дитя прекрасного нового мира... Но как сделать так, чтобы у него не забрали сына, она не посоветует. Старик усилием воли остановил мышиную возню мыслей. Теперь он тупо смотрел на приближавшуюся неумолимость в виде офицеров и солдат комендатуры. И автобус для призывников. В его голове плавал тяжелый туман. Но так было легче.

Из внедорожника вылезли двое, из автобуса — четверо с собаками. Терьеры-модификанты, натасканные на бегущую человечинку. Твари злее пуль, хотя и немного помедленнее... Итого: два пистолета, четыре автомата. Сколько в передвижной камере новобранцев, старик не мог разглядеть, однако это не так уж его интересовало: на других ему плевать. Если не считать зарешеченных окон, автобус выглядел точно так же, как тот, что когда-то возил его в начальную школу. Лучше не вспоминать. И лучше бы сейчас

не видеть эту желтую рухлядь.

Сын продолжал как ни в чем не бывало колотить дрова. *«Молодец, сынок. Помогает папе... напоследок»*.

Те, что шли впереди, похоже, были офицерами. Высокий чистоплюй в кожаном плаще — возможно, сам комендант. В прошлый раз был другой, добродушный толстяк с сальной рожей. Почеркал в своем блокнотике, и все. Но в прошлый раз сыну было двенадцать лет. *«Делайте свое дело и убирайтесь побыстрее»*, — мысленно взмолился старик. И, как всегда, никто не услышал его молитв.

Второй офицер — телом низкий и тщедушный, а, судя по глазам, та еще шавка — ткнул пальцем в сторону колодца:

— Вода нормальная?

«Откуда мне знать, придурок? И что такое «нормальная»?»

— Мы пьем. — Старик сказал чистую правду о мутной воде.

— Не вдохновляет, — сказал высокий. Старик не понял этого слова.

Один из солдат отдал поводок товарищу и опустил ведро в колодец. Вытащил и присмотрелся. Достал какую-то штукювину и высыпал из нее порошок в воду. Раздалось шипение, после чего люди коменданта напились. Собаки жадно лакали из мисок. Сам комендант приложился к

антикварной фляге из нержавеющей стали, на боку которой красовалась пятиконечная звезда. Потом он кивнул недоростку — мол, принимайся за дело. Тот открыл потертую сумку-планшет и полистал обветшавшую тетрадь. Сверился с записями.

— Твой идентификационный код... — последовала серия цифр, которую старик был не в состоянии запомнить. И, соответственно, подтвердить.

Он закатал рукав и предъявил клеймо. Пусть сравнивают. Никаких документов, удостоверяющих личность, у него не было уже лет тридцать. Они пропали во время тотальной неразберихи, неизбежного следствия Реверса. Хотя необязательно списывать свои беды на слепую природу или вполне зрячих братьев по разуму. Все-таки время — само по себе смерть. Пока нет войны, голода и болезней, оно убивает тебя сравнительно медленно. Но убьет в конце концов, можно не сомневаться. Сотрет штришок за штришком, и ничего не останется. Даже царапины в чьей-нибудь памяти...

— Код устарел, — выплюнул коротышка с таким отвращением, словно устаревший код ощутимо вонял продуктами разложения. — Когда и где получал?

Старик пожал плечами. Странное дело, он помнил чужой язык в достаточной степени, чтобы

прочешь надписи на автобусе, в том числе матерные, но не помнил название своей родной страны. Хотя отец когда-то много рассказывал о тех местах, откуда сбежал, преодолев три границы.

— Какого хрена прикидываешься?!

— Спокойно, Хайнц, — вмешался высокий. Он снисходительно улыбался. — Вероятно, мы действительно имеем дело с избирательной амнезией (еще одно незнакомое старику словечко). Критический возраст. Представь, что ему довелось пережить. Нет, лучше тебе даже не представлять. Не так ли, господин никто из ниоткуда?

Старику было все равно — никто, ниоткуда. Слова ни в малейшей степени не задевали его, скользили по поверхности сознания, не оставляя царапин. Другое дело — насилие, оружие, угроза физическому существованию. А болтовню коменданта он уж как-нибудь перетерпит, лишь бы его люди побыстрее закончили.

— Согласно последней переписи, у тебя есть сын... восемнадцати лет, — констатировал плюгавый Хайнц. Теперь в его гляделках было больше злобы, чем в мутных глазах терьеров. Те были просто бессловесными тварями. Этот был тварью с пониманием.

— Есть, — согласился старик. — Он не в своем уме.

— Конечно, — ухмыльнулся Хайнц. — А еще

немой, безрукий, хромает на обе ноги. Как мне надоели эти сказочки, — он посмотрел на солдат, будто ожидая сочувствия. Те из вежливости заржали. Они тоже не раз слышали эти сказочки. Комендант разглядывал окрестности с видом человека, который по счастливой случайности не имеет к происходящему ни малейшего отношения. — Зови его сюда, деревня. Мы сами определим, достаточно ли у него мозгов, чтобы служить республике. И заткни свою бабу.

Старик только сейчас понял, что жена по-прежнему тихо плачет, подвывая. Это действовало бы на нервы, если бы они у него остались. Но он давно казался себе чем-то вроде старого матраса, набитого гнилой соломой, — матрасом, который безропотно впитает что угодно: пот, слезы, кровь, мочу... Он не всегда был таким. Беспозвоночным его сделала Ноябрьская резня сорок третьего года, когда он за одну ночь лишился родителей и младенца-первенца.

Чтобы разом убить двух зайцев, он подошел к жене и попросил ее привести сына. А сам заглянул в дом — узнать, как там дочка. Во всяком случае, он думал, что для этого. Ведь он вряд ли просто хотел сбежать от того, что будет дальше.

Девочка лежала на своем привычном месте, возле печи, которую когда-то сложил человек, работавший за еду. Еще он пытался убить хозяев —

но это давняя история; хватало и того, что угрожало им сейчас. Старик присел рядом с дочерью и погладил ее кривые тощие ножки. Она с трудом передвигалась самостоятельно, и брат таскал ее туда-сюда, словно мул... но что будет теперь?

— Хочешь попрощаться с Большим?

Кличку придумала девочка, и она приросла намертво. Даже мать звала сына не иначе.

Дочка насупилась:

— Зачем? Он все равно не поймет.

Когда-то старик сказал бы на это, что некоторые вещи мы делаем для себя, чтобы хоть немного утешить больную совесть, но с тех пор многое изменилось. Теперь мало кто мог позволить себе такую роскошь как совесть, неважно, больную или здоровую. Старик не мог позволить себе даже спокойный сон по ночам — в отличие, между прочим, от дочери, которая спала на удивление хорошо.

— Тогда сиди тихо.

Излишнее предупреждение: девочка была тихой, как стоячая вода. И все-таки он не хотел, чтобы солдаты ее изнасиловали. Рано или поздно это, конечно, случится... но пусть не сегодня.

Глава вторая

Он вышел из дома, пока его не хватились.

Большой уже торчал перед офицерами. К счастью, без колуна в руках. Но все равно терьеры сделали на него стойку. Жена плакала, но хотя бы не выла.

— Так-так-так, — цедил Хайнц, оглядывая парня с явным неодобрением. Похоже, он не одобрял любого человека выше себя ростом. Значит, ему выпало ненавидеть весь род людской — вернее, то, что от него осталось, — за исключением детей и лилипутов. Но старик сомневался, что недомерок любит хотя бы этих. — Говорят, ты плохо соображаешь?

Большой смотрел на псов и улыбался. Из уголка рта тонкой струйкой стекала слюна. Ему явно нравились *собачки*. Старик подумал, что у сына давно не было живых игрушек. Кот сдох лет восемь назад. С тех пор, если не считать птиц, из живности им попадались только мыши и кроты. «*О чем это ты, болван?*»

— Смотреть на меня, парень! — коротышка поднял руку и этим наконец привлек внимание Большого. — Как тебя зовут?

— Н-ну... — выдавил из себя Большой, и ему стало скучно. Он наклонился, чтобы погладить *собачку*.

Мать охнула. Во рту у старика сделалось еще кислее, чем прежде. Но ничего не произошло. Натасканный на двуногую дичь пес позволил чужой руке потрепать себя за ушами.

— А это уже интересно, — произнес господин комендант. — Видишь, дружище Хайнц, здоровяк пригодится, как минимум, на псарне. Зооэмпат, мать его. Но, возможно, он скрывает от нас другие таланты. Итак, твое имя?

— Ну...

— «Ну». Замечательно. А дальше?

— Ну...

— Вот что, дружище Ну, давай-ка я тебе кое-что объясню. Может, ты и впрямь идиот, но это не избавит тебя от службы. Ты живешь в Республике Веры и Меда, существованию которой угрожают варвары, антихомо и прочие могильщики великой цивилизации. До сих пор наша славная армия защищала твой дом и твою семью — так же, как сотни других домов и семей, — от смерти, рабства или окончательной деградации. Вот пришла и твоя очередь защищать их. Это не просто обязанность, а почетная миссия. Кивни, если ты меня понимаешь.

— Ну... — Большой ухмылялся широко и радостно. Очевидно, решил, что теперь сможет постоянно играть с *собачками*.

«Если он и вправду окажется на псарне, то, может, проживет подольше...»

Однако комендант еще не закончил. Что-то нехорошее было у него на уме, несмотря на внешнее благообразие, и старику он почему-то

казался гораздо более опасным, чем Хайнц. Но так и должно быть.

Так и было. Комендант поманил к себе старика, а когда тот приблизился, отхлестал его по щекам перчаткой. При этом он не сводил глаз с идиота. Ну вот, от слов комендант перешел к делу. К унижению и насмешке. К насилию и издевательствам. Но старик знал, что безропотно стерпит и это. «*Республика Веры и Меда*». Вот в чем настоящая насмешка. Он оценил. Даже при его кастрированной памяти он еще сохранил остаток веры — ровно столько, чтобы испытывать страх перед судьбой и проклятием. А пчелы давно передохли.

Во время экзекуции Большой продолжал пускать слюни, разглядывая терьеров, и даже издавал что-то вроде радостного повизгивания.

— Кто еще с тобой проживает? — лениво спросил господин комендант.

— Дочь, — ответил старик. — Девять лет, калека.

Он приуменьшил возраст дочери на четыре года. Ему казалось, что тринадцатилетнюю девочку могли счесть подходящей для использования, а девятилетнюю — еще нет. Он тут же осознал смехотворность подобного обмана, но дочь, по крайней мере, была достаточно тщедушна, уродлива и крива, чтобы внушить отвращение

нормальному мужчине. Одна загвоздка: кого теперь назовешь нормальным?

Новый хлесткий удар по лицу перчаткой вернул его к вопросу, который в отличие от смутных опасений представлял непосредственную угрозу для жизни.

— Повторяю, укрываются ли на твоей ферме лица мужского пола и призывного возраста?

— Нет! — старик яростно замотал головой, отгоняя подозрения, на этот раз чужие. Недостаточная убедительность могла дорого ему обойтись.

— Прекрасно, — сказал комендант. — Я склонен тебе верить... но никогда не мешает убедиться. Новотны, Блюм, возьмите женщину.

Двое солдат схватили жену старика.

— Вот что, — не глядя, обратился к нему комендант, — я хочу, чтобы ты поймел свою благоверную. А мы на это посмотрим. Не стесняйся, дружище, тут все свои.

— Хорошая идея, господин Дастье! — Хайнц не преминул лизнуть начальственную задницу.

— Когда мне понадобится твое мнение, я обязательно поинтересуюсь. Никто из ниоткуда, ты готов? Приступай.

Старик думал, не лучше ли плюнуть в эту гладкую рожу — и пусть его забьют до смерти или сожрут собаки. Для него, может, и лучше.

Особенно, если все закончится быстро. Но что после этого они сделают с женой? А с девочкой? Больше всего сбивало с толку то, что комендант вообще не смотрел в его сторону. Этот Дастье неотрывно всматривался в лицо Большого, словно не хотел пропустить чего-то важного.

— Я... я не могу, — сказал старик. — Я давно ничего не могу.

И это тоже была правда. Для лжи требовалось хоть немного воли к сопротивлению. А вторым ребенком жену наградил не он, если уж на то пошло. Хоть и называл девочку своей дочерью.

— В самом деле? Какая жалость. Тогда это придется сделать кому-нибудь помоложе. Новотны, как у тебя с потенцией?

— Чего?

— В постели, спрашиваю, еще на что-то годен?

— А-а. Так точно, господин комендант. Пока никто не жаловался.

— Может, тогда обрадуешь даму? Судя по всему, ее никто не пользовал уже лет десять.

Рыжий солдат с сомнением оглядел «даму»:

— Что-то уж больно страшна. Да и старовата...

— Новотны, а ты, оказывается, эстет. Никогда бы не подумал, но, к счастью, господь позаботился о том, чтобы нам не приходилось скучать. Каждый

день узнаю что-нибудь новенькое. Ладно, принимайся за дело.

Старик закрыл глаза, чтобы не видеть продолжения, но все равно заплакал от унижения и бессилия. Хотел было уйти подальше от всего этого, но наткнулся на оскаленные пасти терьеров. Третий солдат, державший сразу двух псов, уже обошел его сзади. Четвертый стоял позади Дастье. Некуда бежать.

Однако несладкая жизнь научила его иначе прятаться от реальности при столкновении с чем-то невыносимым. Отключаться, стоя на месте. Выпадать в темноту, превращаться в тень человека. Наступало спасительное помутнение сознания, поле зрения заволакивал густой туман, шум в ушах заглушал звуки извне. К сожалению, это состояние длилось не более нескольких минут, и возвращение было неизбежным. Иногда он возвращался слишком рано, и реальность настигала его во всем своем безумии, ломая еще сильнее. Несмотря на относительную сохранность скелета, он давно ощущал себя так, будто у него не осталось ни одной целой кости.

Сегодня судьба его пощадила. Он вернулся, когда худшее уже закончилось. Хотя нет. Трудно поверить, но, кажется, худшего не произошло. Старик как раз застал тот момент, когда один из терьеров — тот самый, который принадлежал

Новотны и недавно позволил Большому невиданную фамильярность, — внезапно вырвал поводок и с яростным рыком бросился на хозяина. Прежде чем кто-либо успел дернуться, пес вцепился в солдатскую задницу и разодрал мясо вместе со штанами. Новотны истошно заорал, а Дастье самодовольно ухмыльнулся, словно случилось именно то, чего он ожидал, подтверждая его наблюдательность и профессиональное чутье.

Старик ничего не понимал. Смысл происходящего ускользал от него, но он давно отказался от попыток найти объяснение человеческой мерзости, иногда так хорошо замаскированной, что она даже смахивала поначалу на доброту или благородство. И не было лекарства от глубочайшего презрения к себе. Он сгорал от стыда, и, что бы ни случилось за время его трусливого «отсутствия», боялся даже мельком взглянуть на жену. Позже он как-нибудь свыкнется с этим, да и она тоже. Все равно им деваться некуда, а поодиночке точно не выжить. Так что придется и дальше терпеть друг друга.

Между тем терьер продолжал терзать извивавшегося на земле Новотны, пока тот не изловчился схватить автомат. После четырех ударов прикладом рыжий наконец раскрыл псу череп, а потом прикончил издыхающего терьера короткой очередью.

— Побереги патроны, кретин, — небрежно бросил комендант и выдержал паузу, пережидая, когда заглохнет матерящийся Новотны, а рыдающая женщина скроется в доме. Затем щелкнул пальцами перед глазами Большого: — Знаешь, в чем твоя ошибка, призывник Ну? Ты должен был позволить ему это сделать. Тогда действительно сошел бы за идиота. А так — годен. Добро пожаловать в ряды защитников республики. Блюм, проводи.

Старик думал, что теперь-то все закончилось — по крайней мере, на сегодня. Но он ошибался. Комендант повернулся к нему:

— А теперь давай-ка взглянем на твою калеку.